

Н. И. Костомаров

Лекции по русской истории

Часть 1. Источники русской истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Лекции по русской истории: Часть 1. Источники русской истории / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2015. – 104 с.

ISBN 978-5-4241-7744-6

ISBN 978-5-4241-7744-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Нѣкоторые непредвидѣнные обстоятельства надолго задержали изданіе „Лекцій“, предполагавшихся быть выпущенными еще въ прошломъ году. Полное изданіе „Источниковъ удѣльно-вѣчеваго уклада“, въ силу такого же рода обстоятельствъ, откладывается на неопредѣленное время.

Собственно „Лѣтописи“ отпечатаны давно и лежали въ типографіи безъ всякой пользы; я ихъ рѣшился теперь выпустить, основываясь на томъ, что они, составляя собою вполнѣ законченное цѣлое, не могутъ не представлять большого интереса для многихъ, не имѣющихъ возможности познакомиться съ составомъ нашихъ лѣтописей, по причинѣ отсутствія въ нашей исторической литературѣ подобнаго рода сочиненія. Знакомые съ условіями хода исторической науки не будутъ удивляться тому, что Н. И. Костомаровъ нашелъ теперь въ этихъ „Лѣтописяхъ“ много пробѣловъ, которыя необходимо было бы пополнить новыми источниками и свѣденіями, сдѣлавшимися ему извѣстными уже *послѣ* отпечатанія „лекцій“, которыя, слѣдовательно, являются точно въ такомъ видѣ, въ какомъ были читаны съ кафедры въ 1860 году. Замѣченные же пробѣлы будутъ пополнены во второмъ изданіи, если ему суждено будетъ явиться въ свѣтъ.

Гг., имѣющіе билеты и не получившіе 6 и 7 листовъ могутъ обращаться въ книжный магазинъ Д. Е. Кожанчикова.

Тамъ же могутъ быть приобретаемы и отдѣльные листы, начиная съ 3-го, по 5 к. сер.

П. Гайдбуровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вступительная лекція	6
Лѣтописи	20
Лѣтопись, приписываемая Нестору	26
Кіевская лѣтопись	39
Галицко-Волинская лѣтопись	47
Густинская лѣтопись	52
Бѣлорусскія лѣтописи	53
Новгородскія лѣтописи	59
Псковская лѣтопись	73
Вятская лѣтопись	76
Суздальская лѣтопись	82
Переяславо-суздальская лѣтопись	86
Тверская лѣтопись	88
Софійскій Временникъ	91
Вторая софійская лѣтопись	95
Воскресенскій сборникъ	96
Составъ нашихъ лѣтописей	97

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ).

М. М. Г.

Считаю долгомъ привести искреннюю благодарность почтенному сословию здѣшняго университета, удостоившему меня избраніемъ во кафедрѣ руской исторіи и въ то же время начальству, благосклонно утвердившему такой выборъ. Время покажетъ — омажусь ли я достойнымъ такой высокой чести. Быть можетъ нѣтъ. Въ такомъ случаѣ я оставлю эту кафедру, на которую теперь вступаю, съ увѣренностью, что этому причиною недостатокъ моихъ способностей и силъ, а не желанія оправдать лестное ко мнѣ вниманіе.

Приступая къ чтенію русской исторіи, я знаю, что буду имѣть честь излагать ее передъ слушателями, которые вступили въ университетъ съ достаточнымъ запасомъ пріобрѣтеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ систематическаго знанія виѣшнихъ событій, а потому я не считаю нужнымъ утомлять ихъ послѣдовательнымъ повѣствованіемъ по общепринятому порядку. Такое

чтеніе не разнилось бы въ сущности ни въ чемъ отъ учебнаго преподаванія, кромя подробностей въ частяхъ предмета; но, по большей части, такія подробности всегда могутъ быть легко приобретены изъ общедоступныхъ сочиненій. Цѣль университетскаго преподаванія — не умноженіе сокровищъ памяти, не знаніе новыхъ фактовъ, а осмысленіе того, что уже приобретено заранѣе. Будетъ сообразнѣе съ этою цѣлю, если, при изложеніи отечественной исторіи, преподаватель станетъ имѣть въ виду не столько полноту своего курса, сколько — или разрѣшеніе вопросовъ, до сихъ поръ остающихся спорными либо нетронутыми, или разъясненіе такихъ сторонъ всей исторической жизни, которыя почему нибудь оставались у изслѣдователей на второмъ планѣ, или же по своему свойству и примѣненію къ современнымъ требованіямъ особенно заслуживаютъ полнѣйшей обработки. Съ одной стороны преподаватель, сосредоточивъ свои силы на нѣкоторыхъ сторонахъ науки, будетъ въ состояніи содѣйствовать своими трудами дальнѣйшему движенію науки, вмѣсто того, чтобъ повторять рѣшенные другими результаты; съ другой — слушатели познакомятся съ приѣмами такого труда и это доставитъ облегченіе тѣмъ изъ нихъ, которые, въ свою очередь, пожелаютъ посвятить свои способности дѣлу науки. Такой приѣмъ изложенія можетъ — или ограничиваться извѣстными избранными эпохами, или обнимать хронологическое теченіе всей исторіи, но съ избранныхъ сторонъ. Я избираю послѣднее.

Всѣ это, мн. гг., я считаю нужнымъ предварительно вамъ высказать, дабы впоследствии не укоряли меня, когда, быть можетъ, въ моемъ чтеніи окажутся упущенія нѣкоторыхъ сторонъ науки и на счетъ ихъ усиленное вниманіе къ другимъ.

Было время, когда сумма внѣшнихъ явленій, образующихъ то, что называется государственною или политическою жизнію, составляло все, чего можно было требовать отъ науки. Такъ и слѣдовало: внѣшность прежде всего обнимается, скорѣе усвоивается. Такимъ образомъ Исторія Государства Россійскаго

Карамзина была созданіемъ самымъ удовлетворительнымъ въ свое время. Заслуга почтеннаго историографа тѣмъ важнѣе, что онъ внесъ въ свое сочиненіе зрѣлую критику. Съ своимъ великимъ талантомъ, Карамзинъ уже не ограничивался односторонностію внѣшности и въ своемъ сочиненіи оставилъ зачатки и указанія новаго изложенія для будущихъ дѣятелей науки. Когда все безмолвно поклонялось его авторитету, назадъ тому лѣтъ тридцать, явился смѣлый чело­вѣкъ, выступившій на учено-литературное поле больше съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученымъ авторитетомъ; то былъ Полевой съ его Исторіей Русскаго Народа. Названіемъ, даннымъ своему сочиненію, онъ заявлялъ требованіе, что исторія русскаго государства недостаточна, необходима еще исторія народа. При быстро подвижной работѣ нашей мысли, многимъ едва извѣстно по имени это сочиненіе. Я не имѣю цѣлю, въ настоящее время, дѣлать его оцѣнки; скажу только, что, при многихъ достоинствахъ, полемическій тонъ мѣшалъ автору взглянуть на предметъ своего изложенія безпристрастно и спокойно; подражаніе западнымъ теоріямъ побуждало его прилагать, нрѣдко не кстатн, къ отечественнымъ событіямъ несвойственныя взгляды, а болѣе всего недостатокъ источниковъ воспрепятствовалъ осуществиться на дѣлѣ названію, избранному авторомъ. Одно только названіе болѣе всего осталось много знаменательнымъ для насъ отъ этого творенія талантливаго писателя. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи послѣднихъ тридцати или, точнѣе, двадцати пяти лѣтъ, наша ученая историческая литература значительно обогатилась. Правительство оказало дѣятельное содѣйствіе въ собраніи и обнародованіи древнихъ актовъ и памятниковъ; археографическая комиссія, московское общество исторіи и древностей, кievская археографическая комиссія, одесское общество исторіи и древностей, археологическое общество и, наконецъ, частныя лица издали въ свѣтъ богатые запасы старинныхъ письменныхъ памятниковъ; публичная библіотека обогатилась рѣдкими сокровищами и расширила свой дружелюбный доступъ труженикамъ и любите-

лямъ наукъ; наши почтенные ученые, одинъ за другимъ, представили плоды своихъ добросовѣстныхъ работъ падъ разными вопросами и сторонами отечественной исторіи; сознаана важность языкознанія для изученія жизни народа; собраны этнографическія данныя, — виѣсть со всѣмъ этимъ уяснилась и необходимость исторіи народа и теперь только наступаетъ пора, когда возможно приступить къ ней, хотя бы только для того, чтобъ проложить первую тропинку для послѣдующихъ дѣателей, которымъ будетъ суждено изыбнить ее въ торную дорогу.

Теперь, мм. гг., я считаю нужнымъ представить вамъ въ краткихъ словахъ сущность того понятія, которое я составляю себѣ объ исторіи народа вообще. Не стану теперь распространяться въ подробностяхъ, предоставляя повѣрку и подтвержденіе моего взгляда самому ходу изложенія науки.

Едва ли нужно доказывать, что всякое политическое общество, съ его движеніями и измѣненіями, относится къ народу, какъ явленіе къ его сущности, какъ виѣшность къ внутреннему содержанію, такъ что опредѣлительность, какую мы даемъ кругу, въ который заключены политическія явленія, зависитъ отъ степени нашего понятія, какое мы составили себѣ о народѣ. Такъ, приступая къ исторіи политическаго общества, подъ именемъ русской исторіи, мы вправѣ спросить себя: какого политическаго общества исторія предстоить нашему изученію? Той-ли державы, которая существуетъ теперь подъ именемъ русской имперіи? Но, если мы станемъ разсматривать всѣ признаки, составляющіе это понятіе, то найдемъ, что всѣ они сгруппировались между собою и составили то явленіе, которое мы называемъ, въ настоящее время, русскою державою, только съ Петра Великаго; и многіе, обращая исключительное вниманіе на одинъ видъ государственной жизни, справедливо, съ своей точки зрѣнія, говорятъ, что для нихъ только съ этаго времени исторія представляетъ живой и непосредственный интересъ. Въ прежнія времена существовало другое государственное тѣло, до того отличное отъ настоящаго, что многіе

изъ его важнѣйшихъ признаковъ составляютъ для насъ предметъ археологическихъ изслѣдованій. Еще несходнѣе наше государство съ удѣльно-вѣчевой Русью, а языческій періодъ мелькаетъ намъ изъ глубокой дали, совершенно чуждымъ нашему политическому свѣту, мерцаемъ. Что же соединяетъ всѣ эти періоды, которые, не смотря на ихъ отличіе другъ отъ друга, никто однако не исключилъ еще изъ науки русской исторіи?

Не земля, потому что коль скоро мы будемъ жить въ виду исторію всего того, что случилось на землѣ, гдѣ теперь живемъ, или той, которой обитатели вступили въ политическое единство съ государствомъ нашимъ, то придется говорить, какъ объ отечественномъ элементѣ, и о бытѣ Пантिकाпен; она, однако, не имѣетъ къ намъ болѣе близкаго отношенія, какъ вообще исторія греческихъ колоній, и, касаясь Пантिकाпен, нужно было бы пуститься въ изученіе греческой исторіи. Намъ бы пришлось излагать исторію Готтовъ, нѣкогда властвовавшихъ надъ нашею страной, и предаться изученію древне-германскаго міра,—а это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей цѣли. Очевидно, тѣ, что образуетъ единство между различными видами государственной или политической жизни—есть народъ, ибо только на основаніи сознанія тождества нашего народа, какъ въ отдаленныя, такъ и близкія къ намъ времена, можемъ мы называть отечественными обитателями такихъ, которые болѣе имѣютъ между собою несходства, чѣмъ подобія. На основаніи тождества народа, въ различныхъ государствахъ, въ одно и то же время существующихъ, или существовавшихъ, безъ всякихъ признаковъ политической связи, исторія этихъ государствъ можетъ составить одну исторію. Такое явленіе встрѣчается и въ нашей исторіи, когда въ XIV вѣкѣ образуются два русскія государства,—московское и литовское. Наконецъ, къ одной и той же исторіи съ извѣстнымъ государствомъ можетъ принадлежать и часть другаго государства, коль скоро въ этой части народъ составляетъ единое тѣло съ тѣмъ, который живетъ въ

первоиъ изъ государствъ. Такъ, въ одной исторіи свободной Греціи будетъ всегда принадлежать судьба Фессаліи и остро-вовъ Архипелага, остающихся подъ властію Турціи. Это при-ложимо и къ русской исторіи. Червоная Русь въ XIV вѣкѣ выступила изъ политической связи съ остальною Россією, но судьба ея до тѣхъ поръ будетъ принадлежать къ русской ис-торіи, пока народъ червоно-русскій не потеряетъ русскаго языка и началъ русской жизни. Такимъ образомъ, излагая толь-ко исторію государственной жизни, если мы хотимъ быть ос-новательными, то невольно будемъ въ своемъ изложеніи подчи-нять принципъ государственности идеѣ народности, ибо только народность даетъ связь странамъ, не имѣющимъ между со-бою никакого политическаго связующаго признака. Доказывать, что виѣшнія явленія политической жизни не могутъ у насъ составить исторіи народа, кажется, нѣтъ необходимости, ибо это само по себѣ слишкомъ ясно.

Но исторія народа не достигается также, такъ называемою внутреннею исторією, послѣдовательнымъ изображеніемъ законо-дательства, учрежденій и быта, отличнаго отъ виѣшнихъ событій, ибо явленія общественной и домашней жизни все еще виѣш-ность: за нею кроется потребность уразумѣнія народнаго духа, какъ причины, и, виѣсть, содержанія этой виѣшности. Знать о существованіи какого-нибудь учрежденія въ извѣстную эпоху еще недостаточно, и такое знаніе, взятое само по себѣ, какъ фактъ, можетъ повести къ ошибкамъ, если мы не знаемъ, какъ народъ въ свое время понималъ то или другое учрежденіе, въ какой степени оказалъ участіе въ его появленіи и какое дѣй-ствіе произвело оно на его жизнь. Народный обычай, черты до-машняго быта, обрядъ народнаго увеселенія,—все это еще виѣ-шность, не жизнь народная, а только ея выраженіе. Жизнь народная заключается въ движеніи его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣрованіяхъ, чувствованіяхъ, надеж-дахъ, страданіяхъ. Нельзя судить о благосостояніи эконо-мическаго быта народа, не зная, какъ народъ понималъ или